

Абрахам Маслоу МОТИВАЦИЯ И ЛИЧНОСТЬ

Перевод А.М.Татлыбаевой

Глава 8. ПСИХОПАТОГЕНЕЗ И ТЕОРИЯ УГРОЗЫ

Представленная выше концепция мотивации дает нам возможность посмотреть на проблему психопатогенеза с иной точки зрения, иначе подойти к исследованию природы фрустрации, конфликта и угрозы.

Практически любая теория, пытающаяся выявить источники психопатологии и сформулировать законы ее существования, обращается к двум основным понятиям – к понятиям фрустрации и конфликта. Не отступим от этого правила и мы. Давно замечено, что фрустрация одних потребностей приводит к психопатологии, а фрустрация других не вызывает такого эффекта, одни конфликты имеют патогенное значение, тогда как на другие организм не реагирует болезненными проявлениями. Похоже, что теория базовых потребностей поможет нам найти объяснение этому феномену.

ДЕПРИВАЦИЯ, ФРУСТРАЦИЯ И УГРОЗА

Затевая рассуждения о фрустрации, трудно удержаться от соблазна сегментаризма. Что я имею в виду? Стало дурным правилом говорить о фрустрации желудка или о фрустрации отдельно взятой потребности, между тем как уже давно не секрет, что фрустрация – это всегда фрустрация всего организма, а не какой-то отдельно взятой его части.

Если мы будем помнить об этом соблазне, если нам удастся избежать его, то мы сможем обнаружить один чрезвычайно важный феномен, мы увидим, что депривация и угроза – совсем не одно и то же. Понятие "фрустрация" принято определять как невозможность удовлетворения желания, как барьер, возникающий на пути удовлетворения желания. Но такое определение игнорирует принципиальные различия между депривацией, несущественной для организма (легко замещаемой и не вызывающей серьезных последствий), с одной стороны, и депривацией, которую можно определить как угрозу личности, то есть такой депривацией, которая угрожает жизненным целям индивидуума, его защитным системам, самооценке, которая препятствует его самоактуализации – словом, делает невозможным удовлетворение базовых потребностей. Я убежден, что только вторая разновидность депривации, угрожающая депривация служит пусковым механизмом для процесса (как правило, крайне нежелательного для организма),

который принято обозначать термином "фрустрация".

Значение объекта-цели для индивидуума двойственно: это может быть значение истинное, или внутреннее, а может быть вторичное, символическое. Представим себе двух детей, которые захотели мороженого, но не получили его. Первый ребенок, услышав отказ матери купить мороженое, почувствовал, что лишился удовольствия съесть мороженое, тогда как второй воспринял отказ не только как невозможность сенсорного удовольствия, но и как невозможность удовлетворить свою потребность быть любимым. Сахарная трубочка для второго ребенка стала воплощением или символом материнской любви, она приобрела психологическую ценность. Здоровый индивидуум, для которого мороженое – это просто мороженое, скорее всего не будет слишком угнетен, если не получит мороженого, и депривацию такого рода вряд ли можно назвать фрустрирующей депривацией, потому что в ней нет личностной угрозы. Невозможность обретения объекта-цели вызовет неблагоприятные, болезненные – фрустрирующие – последствия только в тех случаях, когда цель-объект становится символом любви, престижа, уважения или другой базовой потребности.

Двойственность объекта-цели порой очень наглядно проявляется в поведении животных. Как показали наблюдения за обезьянами, в ситуации установления доминантно-субординационной иерархии пища для них становится не только источником утоления голода, обладание ею в то же самое время символизирует доминантное положение одной особи по отношению к другой. Если обезьяна, занимающая подчиненное положение, попытается завладеть пищей, она немедленно подвергнется нападению со стороны доминантной особи. Однако если ей удастся убедить "начальника" в том, что банан ей нужен не для самоутверждения, а просто для утоления голода, начальник, скорее всего, позволит ей съесть его. Чтобы убедить начальника, подчиненная обезьяна демонстрирует ему свою покорность. Так, например, если подчиненное животное хочет приблизиться к пище, рядом с которой сидит начальник, оно независимо от своего пола принимает сексуальную позу самки, словно приглашая доминантную особь к половому акту, – на самом же деле этот жест обозначает примерно следующее: "Этот банан мне нужен только для того, чтобы утолить голод, я вовсе не претендую на главенствующее положение, я знаю, что начальник здесь ты". Двойственность значения объекта-цели для человека можно обнаружить, наблюдая, например, за его реакцией на критику со стороны друга. Среднестатистический индивидуум, слыша критику в свой адрес, обычно воспринимает ее как нападки или угрозу (и это чувство вполне обосновано, ибо очень часто критика действительно представляет собой нападение). Но если осуждение будет исходить от друга, если человек понимает, что критика ни в коем случае не означает умаление его личных достоинств, то он не только выслушает критические замечания, но и будет благодарен за них. И чем более человек уверен в любви и уважении друга, тем более адекватно воспринимает он критику, тем меньше видит в ней личностной угрозы для себя (304, 313).

В психиатрической среде все еще продолжается бессмысленная дискуссия, суть которой сводится к вопросу: "Обязательно ли депривация сексуальности приводит к фрустрации, к агрессии, к сублимации и т.п.?" Эти споры не закончатся до тех пор, пока

мы не обратим внимание на указанное выше различие. Нам уже известно, что половое воздержание не обязательно приводит к психопатологии, но не секрет также, что часто именно половая неудовлетворенность становится источником психопатологических симптомов. В чем же здесь загвоздка, в чем причина этого противоречия? Клинические исследования здоровых людей однозначно говорят нам о том, что сексуальная депривация становится патогенным фактором только тогда, когда она воспринимается индивидуумом как отказ в любви, в уважении, как символ отвержения, изоляции, когда она вызывает у индивидуума чувство собственной никчемности, неполноценности, ущербности – словом, тогда, когда депривация угрожает его базовым потребностям. Люди, которые не склонны наполнять сексуальную депривацию символическим содержанием, переносят воздержание достаточно легко (разумеется, у них обнаруживаются реакции, которые Розенцвейг (408) назвал потребностными, однако эти реакции, хоть и неприятны, не патологичны).

Каждый ребенок в процессе социализации неизбежно попадает в ситуации, связанные с депривацией тех или иных потребностей. Такие ситуации также до сих пор было принято рассматривать с точки зрения фрустрации. Психологам чудилось какое-то насилие, во всем, что связано с пеленанием, привитием навыков туалета, первыми шагами, первыми падениями и первой болью, со всеми последующими этапами адаптации и социализации ребенка. Однако и глядя на ребенка нельзя забывать о разнице между простой депривацией и личностной угрозой. Дети, которые постоянно чувствуют любовь и заботу родителей, дети, у которых сформировано базовое чувство доверия к миру, порой с поразительной легкостью переносят случаи депривации, дисциплинирующий режим, наказания и тому подобные вещи, они не воспринимают их как фундаментальную угрозу, как угрозу своим главным, базовым потребностям и целям.

Все это приводит меня к убеждению, что феномен фрустрации гораздо более тесно связан с феноменом угрозы, или с феноменом угрожающей ситуации, нежели с депривацией как таковой. Классические проявления фрустрации часто обнаруживаются в самых разных ситуациях угрозы, они возникают вследствие травматизации, конфликта, в результате мозгового повреждения, тяжелого заболевания, в ситуации реальной физической угрозы или приближения смерти, в ситуации унижения или невыносимой боли, невыносимого страдания.

Это убеждение, в свою очередь, позволяет мне выдвинуть следующую гипотезу. Мне кажется, что мы не вправе и впредь оперировать термином "фрустрация", понимая под ним некий единый, целостный феномен, такое определение изжило себя, стало бесполезным и даже вредным на данном этапе развития науки. Я полагаю, что сегодня, рассуждая о фрустрации, мы обязательно должны иметь в виду две возможности, две непересекающихся концепции: 1) концепцию депривации небазовых потребностей и 2) концепцию личностной угрозы (угрозы базовым потребностям или различным функциональным системам, связанным с ними). Депривация – это еще не фрустрация, а фрустрация – еще не угроза. Депривация не обязательно ведет к психопатологии, чего нельзя сказать об угрозе.

КОНФЛИКТ И УГРОЗА

Все, что мы выше говорили о фрустрации и об опасности расширения этого понятия, с полным правом следует отнести и к концепции конфликта. Я предлагаю следующую типологию конфликта.

Инструментальный выбор

Это простейший тип конфликта. Каждый из нас ежедневно сталкивается с бесчисленным множеством альтернатив. Инструментальный выбор, в отличие от не инструментального, – это всегда выбор между двумя способами достижения цели, причем, что существенно, цели не очень важной, не очень значимой для организма. Психологическая реакция на подобный конфликт практически никогда не бывает патологической. В сущности, необходимость такого выбора сам человек не воспринимает как конфликт.

Выбор между двумя способами достижения базовой, жизненно важной цели

Организм попадает в ситуацию такого выбора в том случае, если имеет какую-то важную, значимую цель и видит несколько альтернативных способов ее достижения. Самой цели ничто не угрожает, меру значимости цели определяет сам организм. То, что важно для одного индивидуума, может оказаться совершенно незначимым для другого. Для примера представьте такую ситуацию выбора – девушка собирается пойти на вечеринку, она хочет потрясти друзей своим нарядом, она выбирает, какое платье больше подойдет для достижения этой цели. Когда выбор сделан, субъективное ощущение конфликта, как правило, исчезает. Однако, необходимость выбора может стать мучительной, если выбор состоит не в том, чтобы выбрать одно платье из двух, а, например в том, чтобы отдать предпочтение одному мужчине из двух. Здесь опять же уместно вспомнить о проведенных Розенцвейгом различиях между потребностными реакциями и самозащитными реакциями.

Угрожающие конфликты

Угрожающий конфликт фундаментальным образом отличается от двух описанных выше типов конфликта. Здесь мы также имеем дело с ситуацией выбора, но в данном случае индивидуум вынужден выбирать не способ достижения цели, а поставлен перед необходимостью выбрать одну цель из двух, причем каждая из них представляется ему жизненно важной. В данной ситуации предпочтение одной цели означает отказ от другой, которая не менее насущна, чем та, которой было отдано предпочтение. То есть, мы можем сказать, что выбор не устраняет конфликта. Человек отказывается от достижения насущной цели, от удовлетворения жизненно важной потребности, и это угрожает его психологическому благополучию. Угроза становится особенно актуальной именно после того, как совершен выбор. Короче говоря, ситуация такого рода выбора

приводит к блокированию той или иной базовой потребности, что, несомненно, может стать причиной патологии.

Катастрофический конфликт

Этот тип конфликта порождают ситуации, в которых угроза представлена в чистом виде, когда у организма нет альтернативы, нет возможности выбора. Все предоставленные организму возможности в данном случае одинаково катастрофичны, одинаково угрожают его благополучию. Можно сказать, что в такой ситуации у него есть только одна возможность, и эта возможность связана с прямой угрозой. Мы можем назвать эту ситуацию конфликтной только условно, потому что в данном случае нам приходится несколько расширить рамки понятия "конфликт". Чтобы понять, что я имею в виду, представьте, какого рода "конфликт" переживает человек, осужденный на смерть, когда его привязывают к электрическому стулу, или крысу, которая вынуждена делать то, что неминуемо повлечет за собой удар током, – то есть такие ситуации, в которых у организма нет возможности для бегства, ответного нападения или компенсаторного поведения. Именно такие ситуации создают экспериментаторы при изучении неврозов у животных (285).

Конфликт и угроза

Рассматривая проблему конфликта с точки зрения психопатологии, мы приходим к тем же самым выводам, что и при анализе концепции фрустрации. В самом общем виде можно сказать, что мы имеем дело с двумя типами конфликтных ситуаций и соответственно с двумя типами реакций – с теми, что несут в себе угрозу, и с теми, что не содержат угрозы. Конфликты, не содержащие в себе угрозы для организма, незначимы, поскольку они, как правило, не приводят к психопатологическим последствиям; конфликты, таящие в себе угрозу, напротив, важны, так как часто бывают патогенными.²³ Рассуждая об источниках психопатологии, следует говорить не столько о конфликте и его переживании, сколько об угрозе, заключенной в конкретном типе конфликта. Не секрет, что конфликт не обязательно ведет к патологии, что некоторые конфликты даже укрепляют организм.

Таким образом, мы вплотную приблизились к тому, чтобы пересмотреть основные понятия общей теории психопатогенеза и прежде всего концепций депривации и выбора – феноменов, которые не имеют патогенного значения и потому не представляют большого интереса для исследователя психопатологии. Нас интересует не сам по себе феномен конфликта или феномен фрустрации, единственно важное значение для нас будет иметь патогенность данных феноменов, степень заключенной в них угрозы, то, в какой мере они препятствуют удовлетворению базовых потребностей организма,

удовлетворению его потребности в самоактуализации.
Источники угрозы

Считаю необходимым вновь подчеркнуть, что концепция угрозы включает в себя такие феномены, которые нельзя отнести ни к понятию конфликта, ни к понятию фрустрации в том значении, в каком обычно используются данные понятия. Психопатогенное влияние на организм могут оказывать даже некоторые соматические болезни. Так, например, наблюдая за поведением людей, перенесших инфаркт или тяжелый сердечный приступ, часто можно подумать, что им угрожает какая-то внешняя опасность. Для детей уже сам факт тяжелой болезни и госпитализации, даже вне связи с неизбежной депривацией, представляется непосредственной угрозой.

Еще одна группа пациентов, у которых обнаруживаются выраженные реакции страха и тревоги, — это люди с повреждениями головного мозга, которых исследовали Гельб, Гольдштейн, Шиерер и другие. Поведение этих больных можно понять, только если предположить, что они постоянно находятся в предощущении опасности. Возможно, ощущение базовой угрозы свойственно всем больным, страдающим органическими психозами независимо от их этиологии. Симптоматику, которую обнаруживают такого рода пациенты, следует изучать в двух аспектах: во-первых, необходимо понять, какое влияние оказывает на организм повреждение или утрата той или иной функции (эффекты утраты), а во-вторых, следует проанализировать динамические реакции личности на эту утрату (эффекты угрозы).

Монография Кардинера, посвященная травматическим неврозам (222), заставляет нас расширить уже имеющийся перечень источников угрозы, не связанных ни с конфликтом, ни с фрустрацией, еще одним. Мы говорим здесь о таком источнике угрозы, как травматизация.²⁴ По мнению Кардинера, посттравматические неврозы развиваются под воздействием угрозы, нависающей над такими базовыми функциями организма, как способность ходить, говорить, есть и т.п. Приведем пример, который поможет нам лучше понять аргументацию Кардинера.

Человек серьезно пострадал в автомобильной аварии. Вследствие полученных травм у него может развиться чувство, что он не хозяин собственной судьбы, что смерть всегда стоит у его порога. Перед лицом такой угрозы некоторые люди теряют уверенность в себе, в собственных способностях, даже самых элементарных. Понятно, что менее серьезные травмы, конечно же, создают меньшую психологическую угрозу. От себя я бы добавил, что предрасположенность к подобного рода реакциям связана с определенной структурой характера, с особой податливостью угрозе.

Даже неотвратимость смерти может (но не обязательно) вызвать у человека ощущение угрозы, если мысль о ней лишает человека базового чувства уверенности в себе. Когда человек чувствует, что не в силах справиться с ситуацией, когда обстоятельства становятся сильнее его, когда он перестает быть хозяином собственной судьбы, теряет контроль над ситуацией и собой, то можно говорить о том, что он ощущает угрозу. Даже самые обыденные ситуации, те, когда мы разводим руками и говорим "ничего не поделаешь", могут восприниматься им как угрожающие. Тяжелую, невыносимую боль

тоже, наверное, можно отнести к категории угрожающих ситуаций, – здесь-то мы уж точно не в силах что-то сделать.

Мне думается, что концепцию угрозы можно расширить настолько, что она охватит собой феномены, обычно описываемые в рамках иных научных категорий. Например, внезапная интенсивная стимуляция (громкий звук, яркий свет), утрата опоры или почвы под ногами, нечто незнакомое или непонятное, нарушение ритма повседневной жизни – все эти факторы, которые обычно рассматриваются в контексте онтогенеза детской эмоциональности, скорее следует рассматривать как ситуации, вызывающие у ребенка чувство угрозы.

Рассматривая феномен угрозы, мы прежде всего должны проанализировать те его аспекты, которые составляют его ядро. К таковым относятся непосредственная депривация, блокирование или угроза удовлетворению базовых потребностей. Унижение, отвержение, изоляция, утрата самоуважения и уверенности в себе – все это создает прямую угрозу организму. Неадекватное использование или не использование человеком собственных способностей угрожает его самоактуализации. И наконец, люди, живущие на высших уровнях мотивации, чрезвычайно болезненно воспринимают угрозу метапотребностям, или ценностям Бытия (293, 314).

Перечислим факторы, вызывающие субъективное ощущение угрозы: опасность блокирования или блокирование базовых потребностей и метапотребностей (включая потребность в самоактуализации); угроза условиям, обеспечивающим возникновение этих потребностей; обстоятельства, которые угрожают целостности организма, чувству базового доверия к миру и чувству уверенности в себе; и наконец, угроза высшим ценностям.

Как бы мы ни определили феномен угрозы, нельзя забывать об одном очень важном его аспекте. В любом случае, окончательное определение данного феномена непременно должно основываться на базовых целях, на ценностях, на потребностях организма. А это, в свою очередь, предполагает, что теория психопатогенеза обязательно должна опираться на теорию мотивации.

И развитие общей динамической теории, и частные эмпирические открытия указывают на необходимость индивидуального подхода к феномену угрозы. Я говорю о том, что мы должны определять угрозу и угрожающую ситуацию не только в контексте общеизвестных потребностей, но с учетом специфики отдельно взятого, конкретного организма и стоящей перед ним конкретной проблемы. Очень часто проблема фрустрации и конфликта обсуждается в терминах внешней ситуации, при этом совершенно игнорируются особенности восприятия внешней ситуации конкретным организмом, не учитываются реакции самого организма. Пожалуй, больше других грешат этим исследователи, изучающие неврозы у животных.

Однако здесь есть одна проблема. Как узнать, воспринимает организм эту конкретную ситуацию как угрожающую или нет? Здесь нет особой сложности до тех пор, пока мы имеем дело с людьми, – чувство угрозы может быть выявлено с помощью любой техники,

адекватно описывающей целостную личность, например, с помощью психоанализа. Такие техники позволяют обнаружить, в чем нуждается человек, чего ему не хватает, что угрожает ему. Трудности возникают тогда, когда мы обращаемся к представителям животного мира. Именно исследования угрозы на примере животных стали причиной распространенного ныне определения угрозы через саму угрозу. Мы называем ситуацию угрожающей, если животное реагирует на нее симптомами угрозы. То есть мы сначала определяем ситуацию в терминах реакции, а затем реакцию определяем в терминах ситуации. Мы знаем, что это нелогично, мы относимся к своему определению со скепсисом, однако нам не остается ничего другого, как признать, что в контексте общей динамической теории эти определения имеют право на существование. Во всяком случае, их можно использовать в практических, лабораторных целях.

И наконец, есть еще одно положение, которое логично вытекает из динамической теории. Состоит оно в том, что чувство угрозы само по себе есть динамическим раздражителем, вызывающим различные поведенческие реакции. Описание феномена угрозы нельзя считать полным, если в нем не говорится о том, к чему приводит чувство угрозы, на что оно толкает индивидуума, как реагирует на него организм. Понятно, что теория невротизма должна рассматривать и источники угрозы, и реакции организма на субъективное чувство угрозы.

Теория угрозы и эксперименты над животными

Анализ исследований, в которых изучались поведенческие нарушения у животных,²⁵ показывает, что эти эксперименты проводились в рамках ситуационной теории, без учета требований динамической теории и обусловлены устоявшимся, но ошибочным представлением о том, что экспериментатор может контролировать психологическую ситуацию путем создания постоянной внешней (экспериментальной) ситуации. (Вспомним, к примеру, эксперименты по изучению эмоций, в том виде, как они проводились еще 25 лет тому назад). В настоящее время уже очевидно, что психологическое значение имеют только те характеристики внешней среды, которые организм воспринимает и на которые он реагирует, которые тем или иным образом влияют на него. Но мало признать этот факт на словах, недостаточно просто согласиться с тем, что каждый организм представляет собой уникальную, неповторимую систему, — эти факты должны быть положены в основу наших экспериментальных исследований и выводов, которые следуют из них. Павлов (373), например, показал, что ситуация внешнего конфликта порождает внутренний конфликт только у животных с определенным типом базового физиологического темперамента. Понятно, что нас должны в первую очередь интересовать не конфликтные ситуации, а конфликтные чувства организма. Кроме того, мы должны понять, что различные реакции разных индивидуумов на одну и ту же внешнюю ситуацию, наблюдавшиеся, например, в экспериментах Гантта и Лидделла, в известной мере обусловлены особенностями индивидуального развития особи. Эксперименты с лабораторными крысами продемонстрировали нам, что в некоторых случаях именно уникальность организма

служит главным фактором, детерминирующим наличие или отсутствие поведенческих проявлений угрозы в конкретной экспериментальной ситуации. Каждая особь обладает своим запасом прочности и исходя из своих внутренних ресурсов особым образом реагирует на внешнюю ситуацию, – то, что одна особь сочтет угрозой, другая перенесет совершенно безболезненно. Многие исследователи, работающие с животными, грешат вольным использованием понятий "конфликт" и "фрустрация". Их принципиальное нежелание рассматривать индивидуальные факторы угрозы привело к тому, что мы не в состоянии понять, почему реакции животных на одну и ту же ситуацию оказывались столь различными.

Мне думается, что вместо понятий, традиционно используемых в литературе по данному вопросу, было бы правильнее взять на вооружение выдвинутую Шiererом концепцию принуждения, суть которой сводится к тому, что "животное принуждают делать то, что оно не может делать". Эта концепция хороша уже потому, что она справедлива по отношению ко всем экспериментам над животными, хотя это не слишком очевидно. Попробую проиллюстрировать свою мысль следующим примером. Некоторые эксперименты показали, что если у животного отнять какие-то важные для него вещи, то в его поведении появляются патологические симптомы, аналогичные тем, которыми организм реагирует на ситуацию, в которой его вынуждают делать то, что он не в состоянии делать. Эта концепция применима и по отношению к человеку, ее можно распространить на ситуации, угрожающие целостности организма, например, ситуации травмы или тяжелой болезни. Естественно, должна быть сделана поправка на темперамент, который позволяет животному не проявлять патологических реакции на ситуацию, в которой от него требуют невозможного, – ведь животное может, например, просто не воспринимать ее. Наверное, имеет смысл особым образом акцентировать это последнее положение и попытаться объединить концепцию Шiererа с понятием сильной мотивации. В таком случае у нас получится следующая формула: "Организм реагирует патологическими реакциями тогда, когда находится в ситуации, разрешить которую он не может, но очень хочет или должен разрешить". Впрочем, даже эту формулировку нельзя считать удовлетворительной, потому что она не учитывает некоторые из упомянутых выше феноменов; она имеет скорее практическое, нежели теоретическое значение и может оказаться полезной при проведении лабораторных исследований.

Другим недостатком всех известных мне экспериментов над животными есть недифференцированный подход к ситуациям выбора и фрустрации, неумение дифференцировать ситуации выбора с точки зрения угрозы для организма, в результате чего поведение животных выглядит совершенно непоследовательным. Если мы предполагаем, что выбор, который многократно должна совершить крыса, помещенная в лабиринт, предполагает конфликт, то почему животное не всегда реагирует на необходимость выбора невротическими симптомами? Если мы предполагаем, что суточная голодовка – это ситуация фрустрации, то почему крыса достаточно безболезненно переносит ее? Очевидно, что настала пора пересмотреть концепции выбора и конфликта. Недифференцированный подход многих исследователей к проблеме выбора выражается, в частности, в том, что они не видят принципиальной разницы между ситуацией, в которой животное вынуждено выбирать

между двумя одинаково важными целями, то есть отказываться от чего-то важного для него, и ситуацией, в которой животное совершает выбор между двумя возможными способами достижения одной и той же цели. Если животное испытывает одновременно голод и жажду, то ситуация выбора между пищей и водой окажется самой угрожающей для нее.

Одним словом, мы не должны определять ситуацию или стимул *per se*, – неважно, имеем ли мы дело с животным или человеком – **их психологический смысл можно оценить только с точки зрения эксперимента, динамики.**□

Угроза в контексте взросления

Если говорить о взрослых людях, то ситуация внешней угрозы для здорового человека содержит меньше внутренней психологической угрозы, чем для среднестатистического человека или невротика. Феномен "взрослого здоровья" возможен только в случае отсутствия угрозы в детстве, здоровье выступает прямым результатом нормальных условий развития ребенка, то есть таких условий, которые не содержат в себе угрозы. Однако с возрастом человек становится все более устойчивым, все более непроницаемым для угрозы. Так, например, никакие внешние воздействия не могут поставить под угрозу маскулинность мужчины, который абсолютно уверен в себе. Человек, который сполна получил любовь в детстве и знает, что он любим, и заслуживает любви, не воспримет как личную угрозу ситуацию, в которой ему отказывают в любви. В данном случае мы можем говорить о принципе функциональной автономии.

Препятствие на пути самоактуализации как угроза

Мне думается, что большинство частных случаев угрозы уместно рассматривать в рамках категории "препятствие или угроза развитию в направлении высшей самоактуализации", как это делал Гольдштейн. Акцент на будущем, звучащий в этом определении, в котором одновременно присутствует признание текущего дефекта, влечет за собой множество позитивных и даже революционных последствий. В качестве примера можно привести гуманистическую концепцию совести Фромма, согласно которой совесть – это не что иное, как осознание человеком отклонения от пути роста и самоактуализации. При таком понимании совести релятивизм и неадекватность фрейдовской концепции Супер-эго становятся особенно очевидными.

Нужно также отметить, что сближение понятий "угроза" и "препятствие к росту" сделает возможным теоретический анализ таких ситуаций, которые не несут актуальной угрозы индивидууму, но угрожают его будущему, препятствуют его личностному росту. Возьмем ребенка. Удовлетворение насущного желания может порадовать, развеселить или успокоить его, то есть, как будто бы имеет для него позитивное значение. Но оно же может стать в будущем препятствием к его личностному росту. Если родители будут потакать всем прихотям своего дитя, они рискуют вырастить его избалованным

психопатом.

Болезнь как единый феномен

Рассмотрение психопатогенеза в контексте искаженного развития порождает одну проблему, которая закономерно вытекает из монистического подхода к анализу психопатологических симптомов. Если мы исходим из того, что все болезни или, по крайней мере, большинство болезней имеют общие корни, что психопатогенез по большому счету однообразен, то возникает вопрос – в чем причины такого многообразия симптоматики, которое мы наблюдаем? Мне думается, настала пора подойти с монистических позиций не только к анализу психопатогенеза, но и к анализу психопатологии в целом. Может статься, что симптомы, которые клиническая практика приписывает конкретной болезни, в действительности представляют собой лишь отражение, – внешнее, особенное, самобытное отражение более общих, глубинных нарушений деятельности организма; правдоподобность такого предположения продемонстрировала нам Хорни (197). Это же допущение лежит в основе разработанного мною теста для оценки базового чувства безопасности (294); с помощью этого теста я довольно успешно выявлял людей, которых можно назвать скорее нездоровыми в целом, нежели отнести к разряду истериков, ипохондриков или неврастеников.

Сейчас я не стану подробно анализировать теорию психопатогенеза, пока мне кажется достаточным подчеркнуть всю важность проблем и предположений, которые она может породить. Добавлю к этому, что наш подход позволяет существенно упростить, унифицировать наши представления о психопатологии.